

О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»

DOI 10.25991/VRHGA.2020.20.4.021

УДК 32:1

Б. Г. Дверницкий*

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ — ОСНОВОПОЛОЖНИК РУССКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

Статья посвящена 150-летию выхода книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Утверждается, что русским исследователям истории и культуры свойственен органический подход, получивший выражение в учении о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского. Единого хронотопа развития человечества не существует. Историософия Н. Я. Данилевского покоится на признании необходимости каждого культурно-исторического типа в разное время испробовать свои силы во всех четырех областях человеческой деятельности. Опираясь на С. Хантингтона, автор утверждает, что выход культуры вне пределов культурно-исторического типа становится источником конфликтов современности. Автор обозначает свою позицию относительно «положительных» и «отрицательных» деятелей истории. Делается вывод об актуальности книги Н. Я. Данилевского.

Ключевые слова: историософия, органицизм, культурно-исторический тип, славянофильство, западничество, С. Хантингтон, Л. Гумилев, А. Галактионов, Н. Данилевский.

B. G. Dvernitsky

N. Y. DANILEVSKY — THE FOUNDER OF RUSSIAN HISTORIOSOPHY

The article is devoted to the 150th anniversary of the publication of the book by N. Ya. Danilevsky "Russia and Europe". It is argued that Russian researchers of history and culture are characterized by an organic approach, expressed in the doctrine of the cultural-historical types of N. Ya. Danilevsky. A single chronotopos of the development of mankind does not exist. The historiosophy of N. Ya. Danilevsky is based on the recognition of the need for each cultural-historical type at different times to try its hand in all four areas of human activity. Referring to S. Huntington, the author argues that the emergence of culture outside the cultural-historical type becomes a source of modern conflicts. The author outlines his position regarding the «positive» and «negative» figures of history. The conclusion is drawn about the relevance of the book by N. Ya. Danilevsky.

Keywords: historiosophy, organism, cultural-historical type, Slavophilism, Westernism, S. Huntington, L. Gumilyov, A. Galaktionov, N. Danilevsky.

---

* Дверницкий Борис Георгиевич, общественный деятель, публицист, главный редактор философско-исторического журнала «Русское самосознание».

I

Обращаясь к русским мыслителям прошлого, мы всегда должны задаваться вопросом: что тот или иной из них значит для наших дней? Только ли это подлинный камертон для настройки нашего самосознания на русский лад или какие-то идеи и прозрения философа сбылись, а то даже и сбываются в наши дни? Или, наконец, он интересен лишь для историков, изучающих наше прошлое?

Н. Я. Данилевский не только один из крупнейших русских мыслителей XIX в., он положил начало самобытной русской историософии. Его теория культурно-исторических типов опередила свое время, но она же и положила начало новой историософии, и не только в России, но и в Европе.

Несомненно, Н. Я. Данилевский был плохо понят своими современниками, и не только «прогрессивными», как Вл. Соловьёв, но и консервативно настроенными. Даже Ф. М. Достоевский после первого и сильного увлечения в последние годы охладел к мыслителю за его излишнюю критику Европы. Перед ее «священными камнями» Данилевский не был готов лить слезы.

Идеи Данилевского по-своему трансформировались у Л. Н. Гумилева в его учении о фазах этногенеза, а ранее — у К. Н. Леонтьева в выделенных им фазах развития государств (первоначальной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения). К числу движущих факторов истории Данилевский, наряду с культурно-историческими типами, добавил т. н. «бичей Божиих» — нерациональный фактор истории. У Гумилева это «пассионарные толчки» неземного происхождения и, возможно, «антисистемы», увлекающие временами значительную часть населения тех или иных стран.

По месту, которое в русской историософии занимает Н. Я. Данилевский, можно сравнить с Глинкой в русской музыке или Пушкиным в русской поэзии, а книгу Данилевского «Россия и Европа» — с «Шинелью» Гоголя, из которой, по словам Достоевского, вышла вся русская литература.

Все русские философы истории, развивая свои идеи, «внешне», казалось бы, совсем далекие от культурно-исторических типов, тем не менее всегда благоговейно относились к «Глинке» русской историософии, ибо по существу продолжали или развивали идеи Данилевского. Бесплодность же многих современных геополитиков в России во многом объясняется тем, что они идут не от Данилевского, а продолжают и развивают чужие историософские идеи и построения.

Знание теории Данилевского о наличии славянского и германо-романского культурных типов, безо всякого сомнения, избавило бы нас от многих иллюзий о существовании христианской и гуманистической Европы, желающей нам добра, благополучия и процветания, и наивных удивлений о наличии двойных стандартов в отношении к России.

Несомненно, новыми в науке и философии следует считать введенные Данилевским понятия об искусственных и естественных системах, а также о законах-рецептах и подлинных законах. Правильно понятые нами, они помогают здраво и трезвенно оценивать многие существующие теории и системы, в подавляющем своем большинстве искусственные. Понятые так, они уже не имеют над нами прежней силы и влияния. И другого способа избавиться

от их «очарования», или «прелести» в аскетическом понимании этого слова, нет. Разве что создать другую искусственную систему на ту же тему.

II

Правильному восприятию Данилевского мешает многое. Больше всего — предубеждения, глубоко укорененные в нашем сознании. Многим трудно серьезно говорить о национальной философии, науке, экономике, ибо они, по их убеждению, интернациональны.

Однако как понимал национальное Н. Я. Данилевский? Национальное он видел прежде всего в самобытном изначальном подходе к решению тех или иных проблем, в том «первичном национальном моменте», о котором говорят некоторые философы и который предопределяет и все последующее. Поясню это на примерах.

«Борьба и соперничество», изначально присущие, по мнению Данилевского, англосаксам, породили три односторонние теории.

Т. Гоббс создал политическую теорию образования государств на принципах борьбы «войны всех против всех»; А. Смит — экономическую теорию свободного соперничества и борьбы между производителями и потребителями; Ч. Дарвин — биологическую теорию борьбы за существование, объясняющую происхождение всех видов растений и животных. Дополним: А. Тойнби утверждал в своей многотомной книге «Постижение истории», что принцип «Вызов и Ответ» является основой исторического развития и раскрывает логику всей истории мировой культуры.

Подобный национальный подход при решении тех или иных задач мы никогда не должны принимать за общечеловеческий, а должны всегда искать свое национальное решение, опираясь на свой «первичный момент», на свои традиции, свой склад ума и характер и на многое другое, что характерно для нашего народа.

Естественно возникает вопрос: а что характерно для русского подхода к решению научных и философских проблем?

А. А. Галактионов пишет:

«Органицизм» или «органическое» объяснение природы и общества в их специфике и цельности как общего и отдельного принадлежат к числу «сквозных» концепций в истории русской философии и социологии. Ей следовали люди различных, часто взаимоисключающих политических и теоретических взглядов; она существовала в многообразных вариантах, включалась в системы идей или являлась их формообразующим началом, и приводила, разумеется, к несопадающим выводам [2, с. XI].

Он продолжает:

Поэтому принцип «органицизма» в истории русского мышления играл роль определенной методологической установки, способа осмысления, приемов исследований и изложения научно-философских проблем в их связях, в их системности. В этом отношении роль органической теории сопоставима лишь с методологией антропологизма или диалектики, также определявших образ мысли многих русских интеллектуалов [2, с. XI].

Сказанное не исчерпывает характеристику русского «изначального момента», но как иллюстрация национального подхода вполне достаточно. Здесь просто не место развивать эту тему, она заслуживает отдельного разговора.

III

Многие утверждения Данилевского шире их первичного применения. Так, пять фазисов развития науки (сборание материала, период искусственных систем, фаза естественных систем, период частных эмпирических законов и период общего рационального закона) приложимы и к развитию философии. Я писал об этом в своей статье о В. С. Соловьёве [1, с. 168–177]. То же отмечено А. А. Галактионовым в отношении пяти геополитических законов Данилевского:

Теория культурно-исторических типов Данилевского — цельное, системное учение о нациях, их сущности, происхождении, признаках и законах. К сожалению, этого не оценил никто из авторов, писавших о Данилевском, потому что старые русские историки и социологи в большинстве не принимали славянофильской концепции Данилевского и потому за конкретной проблемой «Россия и Европа» не увидели ее теоретического ядра — теории нации; а мышление советских теоретиков было замкнуто в установках работы «Марксизм и национальный вопрос», которая считалась бесспорным первоисточником. Однако законы культурно-исторических типов близки по смыслу с признаками нации, названными И. В. Сталиным через сорок лет после выхода в свет книги «Россия и Европа»... Законы культурно-исторических типов, открытые Данилевским, начинают длительный поиск определения признаков нации, продолжающийся и в настоящее время. Все предлагаемые варианты, в том числе и самые последние, восходят или просто с некоторыми несущественными поправками повторяют уже известное, изложенное в книге «Россия и Европа» [2, с. XIX].

Напомню эти пять законов.

1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу.

IV

Где будут проходить основные линии вражды, могущие свергнуть мир в тягчайшие испытания в XXI в.? Знание этого чрезвычайно важно, т. к. может помочь нам занять правильную позицию и не дать свергнуть себя в чужие войны и столкновения. Говорит ли нам что-нибудь Данилевский в этом вопросе?

В конце XX в. Самюэль Хантингтон, отмечая «устарелость» деления истории после холодной войны на «первый», «второй» и «третий» миры, пишет:

...в нарождающемся мире основным источником конфликтов будут уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями (или группами), принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов [4, с. 33].

При этом он выделяет восемь цивилизаций: Запад, Православие — Россия, Ислам, Китай, Индия, Япония, Африка, Латинская Америка. И тут он мыслит всецело в духе Данилевского. Однако к концу XX в. цивилизации в основном уже нашли и «застолбили» свои естественные границы и определили свои пути развития. Исключение составляют индуистская и мусульманская Индия, т. е. Пакистан и еще ряд более мелких источников напряжений.

На мой взгляд, главный ряд столкновений и основную напряженность в мире будут вызывать те цивилизации, которые по каким-либо причинам будут выходить из границ своего цивилизационного пространства, т. е. навязывать, под разными обоснованиями, другим цивилизациям свою идеологию, культуру, способы экономического развития, либо будут эксплуатировать другие цивилизации (экономический колониализм). И здесь, безусловно, ясно всем, что основным источником напряженности в XXI в. будут США. Однако этим не исчерпываются все главные опасности наступившего века.

Особую опасность во все времена представляли, по определению Данилевского, «бичи Божии». В книге «Россия и Европа» Данилевский выделил три категории исторических деятелей:

— положительных деятелей в истории человечества (десять культурно-исторических типов и одиннадцатый — славянский, находящийся в развитии);

— «временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогши испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество» — «отрицательные деятели человечества»;

— «племена, которым не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия, — ни положительной, ни отрицательной исторической роли» [2, с. 75].

К современным «бичам Божиим» следует относить терроризм. Он может превратиться в разрушительный фактор истории XXI в., если идея «исламизировать» весь мир победит в исламском мире. Ведь и у нас «одноосновность» начиналась с терроризма: с бомбометателей начала XX в., а ранее — с поджогов и тайных организаций революционеров и «Народной воли».

V

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Н. Я. Данилевский заложил основы русской историософии и геополитики, не западной и не славянофильской, а именно русской. И дело не в том, что они имели общий источник мировоззрения, а именно германскую философию, хотя при этом «славянофилы относились к ней с большим пониманием и большей свободой» [2, с. 98]. Суть в том, что общей для них была их вера в существование единой общечеловеческой цивилизации. Данилевский же открыл нам ту основополагающую истину, что

общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем [1, с. 104].

Или совсем кратко: исторический «прогресс состоит вовсе не в том, чтобы идти все время в одном направлении, а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях».

Другим принципиальным отличием русской историософии от западной является то, что последняя не признавала самобытного русского пути исторического развития и всегда стремилась и стремится к «европейничанью» или чистому копированию Европы, а теперь и США. Это не только непродуктивно, но и прямо губительно для нас, как и для всех цивилизаций, которые вступают на путь подражания.

Принципиальное отличие русской историософии от славянофильской заключается в том, что славянофилы считали, «будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники». Данилевский же утверждал, что

такой задачи вовсе и не существует... Задача человечества состоит ни в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, in potentia) в идее человечества [2, с. 97–98].

Для коллективного же... человечества — нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и разноместного (т. е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе развития [2, с. 100].

С этой точки зрения, мы и должны различать историософию и геополитику русского, славянофильского и западнического направлений. И когда мы объявляем Россию, или даже СССР, «авангардом» в решении общечеловеческих или даже общеевропейских задач, то мы не на русском направлении. Россия должна решать свои задачи. Лишь успешное их разрешение будет вкладом в сокровищницу всемирной истории, во всечеловеческую цивилизацию.

VI

Снова и снова обращаясь к труду Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и связывая его мысли и прозрения с духовным пониманием истории, я пришел к следующим окончательным выводам. Будущее в истории за теми человеческими образованиями, которые преодолеют двухосновность и осуществят трехосновность своего культурно-исторического типа в истории.

Род человеческий имеет триединую структуру. Эта структура приведена в книге Бытия, где говорится, что потомки Сима, Хама и Иафета (сыновья Ноя) делятся «по племенам их; по языкам их, в землях их; по народам их» (Быт. 10: 31). До Христа цивилизации носили односторонний характер. Они развивали только одно из начал триединства рода человеческого. Еврейская цивилизация (потомки Сима) реализовала религиозное начало, римская (потомки Иафета) — государственное начало, греческая (потомки Хама) — культурное начало. Христианство создало условия, при которых народы, племена и культуры могут сосуществовать вместе, образуя триединую цивилизацию. Такая цивилизация и была создана русской нацией.

В самом деле, русское племя выбрало Православие (988 г.) в качестве своей религии, в качестве своей сакральной основы и было ему верным вплоть до настоящего времени, несмотря на испытания абсолютизмом и государственным атеизмом. Русский народ государственно структурировался сначала в княжеские формы, затем царские и имперские. Сейчас мы живем в федеративной форме власти, которую предсказал Н. Я. Данилевский 150 лет назад. В XVIII–XX вв. мы создали высокую русскую культуру, которая внутренне скрепляет страну от Мурманска до Севастополя, от Калининграда до Владивостока. Да, сейчас она переживает болезнь русскоязычности (см.: [3]). И все наши усилия на культурном фронте мы должны направить на преодоление болезни европеизма (американизма), русофобии и русскоязычности. При этом надо помнить, что высокая культура должна иметь постоянную опору в народной культуре. Это лучшая прививка и от русскоязычности и от американизма. О том, что такое народность в высокой культуре, разъяснил нам А. Ф. Лосев в статье, посвященной «Снегурочке» Римского-Корсакова. Он писал:

Народность создает конкретизацию мироощущения. Народная музыка находится в мировом целом нас самих. Ибо если музыка вообще есть живописание внутренней жизни духа и бытия, то народная музыка есть в одно время и мы сами, и та возделенная глубина мироздания. Потому-то, несмотря на изысканную сложность симфонической структуры творения Римского-Корсакова — сложность, временами превосходящую вагнеровскую, несмотря на изумительную красочную и многосложную инструментовку, метрику и ритмику, мы чувствуем себя при живописании этих глубин, как у себя дома. Эта наша русская глубина, и это наше место в мировом целом.

Итак, верность трем основам — Православию, Государственности и Русской культуре — делает нас самым устойчивым культурно-историческим типом на земле. И да будет так во веки веков!

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов Б. Русский народ и его цивилизация // Русское самосознание. — 2001. — № 8.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — СПб.: Изд-во Глаголь; изд-во СПбГУ, 1995.
3. Дверницкий Б. Г. Железный век России. — СПб.: Изд-во Русского философского общества, 2016.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования — 1994. — № 1.